

УДК 616-036.22 (479)(091)

DOI:10.22394/2225-8272-2023-12-178-190

ГЕРМАН Роман Эдуардович, кандидат исторических наук, доцент, Ставропольский государственный педагогический институт – филиал (Россия, Будённовск), e-mail: romger@mail.ru, Author ID: 296882

GERMAN R.E., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Stavropol State Pedagogical Institute – branch (Russian Federation, Budennovsk), e-mail: romger@mail.ru

**БОРЬБА С ЭПИДЕМИЯМИ КАК ФАКТОР ОСВОЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИЕЙ
ПРОСТРАНСТВА КАВКАЗА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

**THE FIGHT AGAINST EPIDEMICS AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN
EMPIRE IN THE CAUCASUS IN THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY**

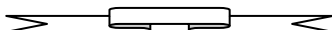
Аннотация. Целью статьи является рассмотрение процесса борьбы с эпидемиями как одной из стратегий распространения власти Российской империи на территорию Кавказа. Эпидемические заболевания играли важную роль в комплексе факторов, препятствовавших освоению Кавказа Российской империей. В ходе освоения территории Черноморского побережья Кавказа российским войскам приходилось противостоять не только недружественному местному населению, но и малярии («лихорадке»), из-за которой смертность в гарнизонах российских укреплений на Чёрном море была очень высокой. Автором определено, что степень заболеваемости эпидемиями в войсках была напрямую связана с тем, насколько серьёзно фактор эпидемий воспринимали военачальники, командовавшие этими войсками, и каким образом командование смогло организовать реализацию комплекса мер по противодействию эпидемии. Борьба с эпидемиями рассмотрена в контексте комплекса факторов, способствовавших их распространению – непрекращающихся военных действий и передислокации войск, жаркого климата, недостатка воды, растянутости коммуникаций, нехватки квалифицированных медицинских кадров, несоблюдения мер санитарии и гигиены в частях и подразделениях российских войск на Кавказе. Показаны факторы, способствовавшие снижению остроты эпидемической ситуации в регионе – использование новых лекарств, карантинно-кордонная служба, повышение требований к санитарии и гигиене в войсках, привлечение квалифицированных военных врачей, использование на практике результатов их исследований.

Ключевые слова: Кавказ, эпидемии, российские войска на Кавказе, медицина, Российская империя, противоэпидемические меры.

Abstract. The purpose of the article is to consider the process of fighting against epidemics as one of the strategies for extending the power of the Russian Empire to the territory of the Caucasus. Epidemic diseases played an important role in the complex of factors that prevented the development of the Caucasus by the Russian Empire. During the development of the territory of the Black Sea coast of the Caucasus, Russian troops had to resist not only the unfriendly local population, but also malaria ("fever"), due to which the mortality rate in the garrisons of Russian fortifications on the Black Sea was very high.

The author determined that the degree of incidence of epidemics in the troops was directly related to how seriously the epidemic factor was taken by the military leaders who commanded these troops and how the command was able to organize the implementation of a set of measures to counter the epidemic. The fight against epidemics is considered in the context of a complex of factors that contributed to their spread - ongoing hostilities and redeployment of troops, hot climate, lack of water, lengthy communications, lack of qualified medical personnel, non-compliance with sanitation and hygiene measures in units and subunits of Russian troops in the Caucasus. The factors that contributed to reducing the severity of the epidemic situation in the region are shown - the use of new drugs, quarantine cordon service, increased requirements for sanitation and hygiene in the troops, the involvement of qualified military doctors, and the practical use of the results of their research.

Keywords: Caucasus, epidemics, Russian troops in the Caucasus, medicine, Russian Empire, anti-epidemic measures.

ВВЕДЕНИЕ

Российская империя в ходе освоения Кавказа и включения его в российское государственно-правовое и цивилизационное пространство столкнулась не только с вооруженным сопротивлением местного населения, но и с рядом факторов природно-биологического характера, к числу которых мы относим и эпидемические заболевания. По мере распространения российской власти на Кавказе снижалась и острота проблемы эпидемий. В настоящее время эпидемические заболевания остаются одной из актуальных проблем, угрожающих будущему всего человечества. Изучение исторического опыта реализации комплекса противоэпидемических мероприятий обладает достаточной степенью актуальности и в наши дни; кроме того, история освоения окраин империи, поднятия их на новый цивилизационный уровень, в частности такого региона, как Кавказ, особенно актуальна сегодня.

Изученная в представленной статье проблема – борьба с эпидемиями как фактор освоения Российской империей пространства Кавказского региона в первой половине XIX века – имеет определенную степень разработанности в исторической и медицинской науке. История медицины на Кавказе подробно рассмотрена в работе Василенко В. Г. [6]. История борьбы с эпидемиями – в работе Васильева К. Г., Сегала А. Е. [7]. Особенности эпидемий на Кавказе с медицинской точки зрения изучены в работах Грижебовского Г. М. [10] и Котенева Е. С., Дубянского В. М. и др. [15]. Деятельность врачей по противодействию эпидемическим заболеваниям рассмотрена в историко-медицинских исследованиях, посвященных вкладу отдельных врачей в медицинскую науку. Это работы Соколова М. Г. [19] и Адаменко А. М.,

Кошелева В.П. [1]. Особенности войны и организации военной медицины на Кавказе, деятельности военачальников по противодействию эпидемиям описаны в работах военных историков – Голицына Н. Б. [8], Раковича Д. В. [18], Эсадзе С. [25]. Несмотря на изученность отдельных аспектов, история борьбы с эпидемиями в период Кавказской войны нуждается в систематизированном изучении, попытка которого и представлена в данной статье.

Историческими источниками исследования послужили воспоминания военачальников – Ермолова А. П. [11; 12], Филиппсона Г. И. [22] и др. [14; 16] – о ходе боевых действий на Кавказе и быте войск. Отдельной группой источников выступают сочинения врачей, в которых изложены представления о мерах противодействия эпидемиям. К числу таких сочинений можно отнести работы Пикулина Л. [17], Топорова Н. И. [20], Фавра В. В. [21], Чаруковского А. А. [23], Четыркина Р. С. [24].

ЦЕЛЬ И ЗАДАЧИ

Целью статьи является изучение истории борьбы с эпидемиями как фактора освоения Российской империей пространства Кавказского региона в первой половине XIX века. Для достижения цели необходимо решить комплекс задач: показать особенности Кавказского региона с военно-стратегической и эпидемиологической точек зрения; рассмотреть деятельность российских военачальников и врачей по противодействию распространению эпидемических заболеваний; выявить взаимосвязь между процессами борьбы с эпидемиями и освоением территории Кавказа как части российского цивилизационного пространства.

МЕТОДЫ

Для реализации поставленных в иссле-

довании задач были использованы историко-генетический метод, позволивший рассмотреть историческую эволюцию мер противодействия эпидемиям на пространстве Кавказского региона в первой половине XIX века, и историко-системный, давший возможность рассмотреть меры борьбы с эпидемиями в системной взаимосвязи друг с другом и с иными направлениями деятельности российской администрации на Кавказе, направленной на цивилизационное освоение региона.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Одним из направлений деятельности как подразделений Российской армии на Кавказе, так и гражданской администрации была борьба с эпидемическими болезнями. Более того, противодействие эпидемиям стало одним из направлений распространения власти Российской империи на пространство Кавказского региона. Периодически случавшиеся вспышки эпидемических заболеваний были одним из факторов, существенно затруднявших освоение Кавказского региона Российской империей. Американский исследователь-кавказовед Т. Баретт писал о том, что покорение Кавказа стало тяжелым испытанием для Российской империи как с точки зрения создания там системы сельскохозяйственного производства, способного хотя бы частично удовлетворить потребности Российской империи на Кавказе, так и с точки зрения преодоления негативного воздействия эпидемических заболеваний. Причинами высокой смертности как среди солдат, так и среди крестьян-переселенцев были такие заболевания, как чума, малярия, тиф, цинга и холера [3].

Непривычный климат и наличие природных очагов эпидемических заболеваний [15] оказывали самое непосредственное влияние

на характер Кавказской войны, в том числе на структуру боевых (безвозвратных и санитарных) потерь. По подсчетам современных исследователей, количество умерших от эпидемических заболеваний в три раза превышало количество убитых во время боевых действий.

Следует отметить, что не только наличие природных очагов эпидемических и инфекционных заболеваний на Кавказе, но и жаркий и влажный климат, отсутствие источников чистой питьевой воды, и, как следствие этого, слабое соблюдение нижними чинами российских войск на Кавказе санитарно-гигиенических требований, особенно на начальном этапе Кавказской войны, теснота при размещении частей и подразделений в казармах и домах местного населения, питание, не отвечающее нормам калорийности, и включение в рацион сырых овощей и фруктов – все эти факторы самым существенным образом отражались как на соматическом здоровье военнослужащих кавказских войск, выступая в качестве источника небоевых потерь, так и на морально-психологическом климате в войсках.

От эпидемий страдало население и войска не только на Северном, но и на Южном Кавказе. Так, командующий Отдельным Грузинским (впоследствии Кавказским) корпусом генерал А. П. Ермолов отмечал, что население Имеретии эпидемией чумы (моровой язвы) сокращено более чем вдвое [12].

К числу заболеваний, широко распространенных среди личного состава Отдельного Кавказского корпуса, можно отнести лихорадки. Так, среди войск, расквартированных около Санкт-Петербурга, больных «перемежающимися лихорадками» было 3,5 % от общего числа всех заболевших, а в кавказских войсках, в целом страдающих от

этой болезни, было 56 %, в войсках, дислоцировавшихся на Черноморском побережье, которое в рассматриваемый период имело репутацию «малярийной местности», – 62 % [13, С. 102]. Малярия не относится к числу эпидемических заболеваний, тем не менее смертность от нее была очень высокой. Влажный и жаркий климат Черноморского побережья Кавказа, большое количество болот создавали идеальные условия для малярийных комаров – основных переносчиков заболевания, что приводило к потерям в войсках, превышавшим количество погибших в боевых столкновениях с горцами. Одним из врачей-исследователей отмечалось, что особенностью военных действий с Османской империей были высокие потери среди личного состава, причинами которых были не только и не столько «вражеские пули», сколько малярия, причем болезни, санитарные потери – даже в большей степени, чем непосредственно боевые действия [21, С. 9–10].

Ситуация существенно изменилась в конце 40-х гг. XIX в., когда личный доктор наместника Кавказа Михаила Воронцова Эраст Андреевский издал наставление для врачей, прикомандированных к воинским частям и подразделениям или служивших в госпиталях, в котором предписывалось применять хинин в больших дозах для лечения малярии. Освоение Российской империей, а затем СССР Черноморского побережья Кавказа, осушение болот во многом снизили остроту эпидемической ситуации. Окончательно победить малярию в регионе удалось в 50-е гг. XX века благодаря усилиям врача С. Ю. Соколова.

Как отмечалось выше, основным средством борьбы с лихорадками на Кавказе в рассматриваемый период было увеличение

винной порции с добавлением хинина. Н. И. Топоров, служивший главным врачом Кутаисского военного госпиталя, в исследовании по медицинской географии Кавказа указывал, что до начала использования хинина в качестве основного средства борьбы с лихорадками в укреплениях, расположенных на побережье Черного моря, личный состав гарнизонов обновлялся полностью за 3–4 года [20, С. 7]. К примеру, в крепости Святого Духа, расположенной на реке Мзымте, в течение 6 лет жертвами эпидемий стали 900 военнослужащих, что соответствовало полной численности гарнизона [14, С. 246].

Помимо особенностей местности, другой причиной большого количества жертв лихорадок была нехватка квалифицированного медицинского персонала, что, естественно, напрямую отражалось на качестве и эффективности медицинских процедур. По воспоминаниям генерала от инфантерии Г. И. Филиппсона, с 1845 года занимавшего должность начальника штаба войск Кавказской линии, в военном госпитале в Поти единственный фельдшер занимался приготовлением лекарств «невинного свойства» [22, С. 136].

Невысокого мнения о медицинских кадрах, служивших на Кавказе в первые десятилетия XIX века, был и А. С. Грибоедов, в 1819 году попавший в карантин в крепости Анаури в Грузии. Писатель и дипломат жаловался на холод в жилище и отсутствие дров, тогда как рядом был лес; комнату, в которой он проживал, иногда заливало водой по колени; врач, распоряжавшийся в карантине, характеризовался им не иначе как «маленький, глупенький доктор», который «вертится на одной ножке» [9, С. 420].

Г. И. Филиппсон указывает, что причинами высоких потерь среди личного состава в

укреплениях, расположенных на побережье Черного моря, было недостаточное и лишенное витаминов питание, что объяснялось растянутостью коммуникаций, расположением укреплений в заболоченной местности с «лихорадочным» климатом [22, С. 108]. Военачальник сообщал императору Николаю I о высокой смертности среди военнослужащих в черноморских укреплениях, обращаясь с просьбой, чтобы нижним чинам год службы засчитывался за два. В 1840 году в соответствии с императорским указом «...штаб- и обер-офицерам Навагинского и Тенгинского полков и десяти черноморских батальонов был сокращен один год от срока выслуги ордена Святого Георгия, а всем нижним чинам срок службы сокращался на один год» [25, С. 76].

После введения употребления хинина количество умерших от малярии в российских войсках на Кавказе хоть и существенно снизилось, но всё еще оставалось высоким. Следует учитывать и то, что после выздоровления военнослужащие, перенесшие лихорадку, долгое время были ослаблены и очень долго восстанавливались, человек просто не в состоянии был в полной мере выполнять возложенные на него обязанности, определенные уставами и самой сутью военных действий.

К основным причинам смерти военнослужащих в 1820–1827 гг. многие офицеры, служившие на Кавказе, относили не столкновения с неприятелем, а «злокачественную лихорадку... и чахотку». Уменьшение смертности от инфекционных и эпидемических заболеваний, по наблюдениям самих участников событий Кавказской войны, было связано с улучшением санитарного состояния войск. Возводились новые, более просторные казармы, расположения многих постов были

перенесены в более здоровые с точки зрения климата места, также было улучшено питание, мясная и винная порции стали выдаваться дважды в неделю, для больных военнослужащих создавались полковые и батальонные лазареты. Впрочем, лечение в лазаретах не отличалось высокой эффективностью, поскольку в них не хватало помещений, коек, квалифицированного медицинского персонала, а заболевших из подразделений в лазареты отправляли слишком поздно [18, С. 32–34].

К числу факторов, увеличивающих смертность от инфекционных заболеваний, можно отнести также низкий уровень дисциплины среди нижних чинов. Так, во время нахождения на Закавказском театре военных действий в 1827 году причиной вспышки эпидемии брюшного тифа среди военнослужащих стало употребление ими в пищу невымытых фруктов и «стоячей воды из арыков» [18, С. 73–74]. Употребление сырой воды и непроверенной пищи, несоблюдение гигиенических мер военнослужащими становилось причиной кишечных инфекций, в особенности дизентерии, и позднее, в июле 1845 года, во время штурма резиденции имама Шамиля – аула Дарго. После боя солдаты, не евшие в течение долгого времени, «набросились» на неспелую кукурузу и пили воду из горной реки «с жадностью», что привело к вспышке кишечных заболеваний, к тому, что лазарет был переполнен больными, помимо раненых, поступавших с поля боя [16, С. 362].

После прибытия на Кавказскую линию в Тенгинском полку началась эпидемия холеры, а поскольку многие военнослужащие после Закавказского похода были «ослаблены лихорадками», болезнь «вырывала жертвы десятками». Заболевшие содержались вне крепости Темнолесской в палатках; времен-

ный лазарет был оцеплен часовыми, чтобы предотвратить контакты со здоровыми. Холерная эпидемия в итоге задержала начало наступления российских войск на Западном Кавказе в 1830 году [18, С. 90–92].

Сосланный на Кавказ А. А. Бестужев-Марлинский, находясь в Дербенте, в письме родным описывал, что на Кавказе «лихорадка» является «условием бытия», а холера прошла в местностях Кавказа «...как ангел истребления». Эпидемия холеры, по подсчетам Бестужева-Марлинского, унесла в Дербенте более 1500 человек [4, С. 618].

Командир Тенгинского полка С. И. Хлюпин в рапорте 1841 года указывал, что из всего состава полка с трудом можно найти хотя бы 200 человек абсолютно здоровых, которые не находились бы на излечении в госпиталях или в лазарете. Лихорадки, как отмечает офицер, носят жестокий и упорный характер, один и тот же человек может переболеть ею несколько раз, так как болезнь не поддается лечению даже самыми сильными медицинскими средствами [18, С. 276]. К причинам неудовлетворительного санитарного состояния полка С. И. Хлюпин относит также плохое состояние здания полкового лазарета и нехватку квалифицированных медицинских кадров. Строевой лес для нового здания лазарета предполагалось частично вырубить самим по берегам Кубани, а частично выменять у горцев на меновом дворе «за 250 пудов экономической соли» [18, С. 302–303].

Эпидемии «черных болезней» – чумы и холеры – в первой половине XIX века были достаточно частым явлением как в Центральной России, так и на Кавказе. Эпидемии чумы на Кавказе отмечались в 1818, 1828, 1830 и 1840 гг., а холеры – в 1830 и 1855 гг. [6, С. 49–52].

Впервые чума получила распространение

на российском Кавказе в 1798 году, что было связано с переносом источников инфекции из Османской империи.

Через несколько лет, в 1802 году, эпидемия чумы вспыхнула в Тифлисе и на территории Восточной Грузии. В следующем, 1803 году врачебной управой Кавказской губернии был осуществлен комплекс мер против «моровой язвы». Города и сёла, в которых были отмечены случаи этого эпидемического заболевания, были окружены воинскими кордонами, а в Тифлисе и Моздоке были выставлены карантинные заставы. Следует отметить, что эффективность названных мер не была высокой: жители местностей, пораженных эпидемией, обходили выставленные с целью ее сдерживания карантины и кордоны и служили источником инфекции, разнося ее далеко за пределы первичных очагов распространения.

В конце лета 1804 года вспышка эпидемии вновь произошла на Северном Кавказе, в частности в Георгиевске и Александровске, во многих аулах Большой и Малой Кабарды. Эпидемия быстро охватывала места жительства горских племен Кавказа, став причиной множества смертей и полного вымирания ряда аулов, хотя считалось, что в случае возникновения чумы горцы покидали селение, переходя в другое место. В марте 1807 года чума охватила четыре уезда Кавказской губернии, 11 мест «гражданского ведомства» [2, С. 56]. Эпидемия проявилась в ряде мест Грузии и Северного Кавказа – Георгиевске, Владикавказе, Моздоке. Также эпидемия стала причиной запрета посещения минеральных вод [5, С. 201].

В условиях жары лета 1809 года новая эпидемия «моровой язвы» распространилась на границе с Турцией и в Кабарде, а позднее и в Закавказье. Фактором, существенно вли-

явшим на скорость и интенсивность распространения чумной инфекции, были боевые действия в регионе и постоянное движение войск под их воздействием. Войска, возвращаясь на территорию Российской империи после длительной осады Ахалциха, стали источником чумы во многих городах и сёлах Кавказской губернии, где размещались после передислокации [7, С. 228].

Генерал А. П. Ермолов, командовавший Отдельным Кавказским корпусом, к числу главных «зараз» Кавказа также относил моровую язву (чуму) и холеру. Основной причиной стремительного распространения этих болезней и высокой смертности от них военачальник считал пренебрежение требованиями санитарии и гигиены в войсках. При эпидемиях холеры, по мнению генерала, умирал каждый пятый-шестой человек от общего числа заболевших [11, С. 393].

Помимо указанных, причинами распространения эпидемий на Кавказе А. П. Ермолов считал специфику местности и психологию ее обитателей, делающих любые противоэпидемические мероприятия бессмысленными или в лучшем случае малоэффективными. Чиновников и военнослужащих, как он считал, можно заставить соблюдать карантинные меры, чего не скажешь о местных жителях, в особенности мусульманах, которые верят в предопределение. Местные жители имеют родственников в соседних местностях, пользуются тайными тропами, беспрепятственно перемещаются, и прекратить это не представляется возможным даже при всей бдительности карантинно-кордонной стражи, и только «счастье» уберегает войска и мирное население от чумы [12].

Эпидемии оказывали самое непосредственное влияние на военно-политические

события на Кавказе. Ермолов отмечал, что население Малой и Большой Кабарды было настолько сокращено эпидемией моровой язвы (чумы), что кабардинцы не могли собираться большими «партиями» для набегов, от прежних больших селений не осталось следов. Также войскам Кавказской линии запрещалось преследовать немирных горцев, участвовавших в набегах, в их землях из-за боязни заражения чумой, которая распространяется через «Анапу из Константинополя» [12].

О карантинных мерах как средстве борьбы с эпидемиями следует сказать более подробно. Карантины представляли собой военно-санитарные учреждения, создававшиеся на границах местностей с целью не допустить распространения эпидемий. В карантинах все, кто передвигался из одной местности в другую, задерживались для наблюдения и выявления симптомов болезней, для обработки одежды, товаров и багажа. Войска Кавказского корпуса активно привлекались для несения карантинной службы. Все вещи и товары подвергались «карантинному очищению» – опрыскиванию уксусной кислотой.

Для предотвращения распространения холерной эпидемии как среди войск, дислоцированных в губернии, так и среди мирных жителей врачебной управе Кавказской губернии предписывалось реализовывать комплекс мер: все выезжающие задерживались на карантинных заставах на срок до шести суток, а одежда, экипажи и иное имущество подвергалось «очищению» по методике, предписанной карантинным уставом. Направлявшиеся к местам боевых действий войска с особой тщательностью проверялись на наличие носителей инфекционных заболеваний. Занимались осмотром войск как гражданские, так и военные медики.

Командованию российских войск на Кавказе было известно, что в турецких владениях, граничащих с российским Закавказьем, чумные эпидемии почти не прекращаются. Генерал И. Ф. Паскевич, командующий российскими войсками на Кавказе с 1826 по 1831 г., зная об этом, разработал и применил на практике комплекс мер, направленных на недопущение распространения чумной инфекции. Сообщение с действующей армией осуществлялось только посредством карантинных пунктов. После того как случаи чумы всё же были замечены в войсках (первыми заболевшими были пленные турки), был введен дополнительный комплекс мер: войска рассредоточивались таким образом, чтобы между всеми подразделениями, начиная от отдельных палаток и заканчивая полками и батальонами, оставалось свободное пространство. Усиливались санитарно-гигиенические требования к военнослужащим; вводились ежедневные тщательные медицинские осмотры для всех военнослужащих, начиная от нижних чинов и заканчивая старшими офицерами и генералами. Заболевших изолировали, а тех, кто был с ними в контакте, помещали в карантин. Эти меры оказались действенными: через две недели эпидемия прекратилась, и войска возобновили движение [7, С. 258].

Распространение эпидемий существенно влияло на реализацию планов командования Отдельного Кавказского корпуса. Вспышка холеры летом 1830 года заставила командующего войсками на Кавказской линии Г. А. Эммануэля изменить ранее разработанный план действий и ограничиться только передислокацией войск на правом фланге линии [8, С. 273]. Страдали от эпидемических заболеваний и сами войска, что заставляло военачальников на Кавказе обращаться к

высшему командованию с просьбой об увеличении войск.

По свидетельствам очевидцев, холера на Кавказе «свирепствовала жестоко». Впервые она была обнаружена в Лашуринском карантине на реке Терек, к югу от Кизляра. Сразу после начала эпидемии Г. А. Эммануэль направился в Лашуринский карантин, а затем объезжал все места, где регистрировались случаи холеры, и везде организовывал реализацию мер противодействия распространению инфекции. Его стараниями были устроены госпитали и аптеки, направлены лекари. Следует отметить, что вскоре после вступления в должность командующего войсками на Кавказской линии Г. А. Эммануэль составил планы и сметы для строительства аптек в Кавказской области.

По свидетельству самого Эммануэля, в Кавказской области на начало 30-х гг. XIX века было не так уж и много средств для противодействия эпидемии. К их числу Эммануэль относит выбор чиновников, четко выполнявших все его распоряжения, их усердие в выполнении своих обязанностей и «благонамеренность», что немало способствовало успешности реализуемых мер. Во время проведенной по случаю эпидемии ревизии Эммануэль посетил присутственные места Моздока и Кизляра и отметил улучшение их состояния по сравнению с предыдущими годами.

Уровень развития медицины того времени уже позволял заключить, что степень заболеваемости и смертности от холеры напрямую зависит от санитарного состояния населенных пунктов и от организации водоснабжения. Так, отмечалось, что в сёлах Ставропольской губернии, расположенных по берегам реки Кумы, население использовало речную воду для хозяйственно-бытовых нужд

без очистки – смертность составляла 3000 жителей на 100 000 населения. В селениях, где питьевую воду брали из родников или колодцев, смертность от холеры была меньше в 3-4 раза. В целом можно заключить, что высокая степень распространения и смертности от холерной инфекции была обусловлена низким качеством питьевой воды, антисанитарией в населенных пунктах и низким уровнем санитарно-гигиенической культуры населения, обычаями отдельных социальных и этнических групп, религиозным фанатизмом, недостатком подготовленных медицинских кадров, отсутствием системы профилактики [10, С. 13].

Как можно заключить, в условиях ведения боевых действий опасность не меньшую, чем нападения противника, несли эпидемические болезни. Эпидемии снижали общую боеспособность войск, ослабляя здоровье личного состава, нанося материальный ущерб и отрицательно влияя на морально-психологический климат в частях и подразделениях Отдельного Кавказского корпуса. Военные врачи в этих условиях, опираясь на эмпирические данные, разрабатывали и внедряли в армейский быт разного рода способы противоэпидемической профилактики и борьбы с эпидемиями в войсках и препятствования распространению эпидемий.

Еще в первых десятилетиях XIX столетия эпидемию чумы на Кавказе подробно описал Л. Е. Пикулин, который служил старшим лекарем егерского полка, размещавшегося в Грузии. Для противодействия эпидемии он настоятельно рекомендовал строго придерживаться карантинных правил. Также действенными мерами он считал обязательную регистрацию каждого случая заболевания, ускоренные темпы изоляции заболевших, выставление карантинных и оцепление мест-

ностей, в которых началась эпидемия. Источниками заражения, по мнению Л. Е. Пикулина, служат сам заболевший и его вещи [17, С. 124].

Огромное влияние на формирование и развитие системы противоэпидемических мер на Кавказе оказала деятельность военного врача Р. С. Четыркина. Он изучал и разрабатывал средства и способы снижения смертности от эпидемических заболеваний в частях и подразделениях Российской армии, в том числе и тех, которые были расквартированы на Кавказе. Р. С. Четыркин определил, что на всём протяжении Кавказской укрепленной линии по рекам Терек и Сунжа наличествует наибольшая опасность с точки зрения распространения эпидемий. Им были написаны работы о появлении, развитии и прекращении чумной эпидемии в подразделениях Закавказского корпуса в 1828–1829 годах и в русских армиях, воевавших против турок в 1828–1830 годах, разработана система правил, направленная на сохранение здоровья солдат. В работах Р. С. Четыркина предлагался комплекс мер по профилактике и противодействию эпидемическим заболеваниям, а именно: улучшение питания, в том числе отслеживание качества потребляемых продуктов, четкое соблюдение в войсках норм санитарии и гигиены и организация карантинной службы, а также просторное (на больших площадях) размещение солдат, более частая смена мест лагерных стоянок и посещение бань, профилактика простудных заболеваний [1, С. 82]. В целях предотвращения натуральной оспы применялись прививки «коровьей оспы». Как отмечалось в одной из его работ, необходимо обращать внимание на все вопросы, касающиеся сохранения здоровья солдат, и использовать все способы для предупреждения

болезней «...и все меры к ограничению повальности и заразы...» [24, С. 3].

Деятельность Р. С. Четыркина по сохранению здоровья военнослужащих была по достоинству оценена современниками, военными врачами. Я. В. Виллие, занимавший должность главного военно-медицинского инспектора русской армии отмечал, что труд Четыркина необходим, поскольку опыт показывает, что значительное количество солдат погибает большей частью от эпидемических болезней, нежели от неприятельских атак [19, С. 383].

Военным врачом А. А. Чаруковским были разработаны правила, касающиеся гигиены обмундирования, питания, мест проживания, направленные на предотвращение появления и распространения эпидемических заболеваний; подробно была описана медицинская топография Юга России, в том числе Кавказа. Чаруковским также была предложена классификация местностей дислокации войск в зависимости от риска распространения эпидемических заболеваний и, соответственно, дифференциации мер противоэпидемической защиты личного состава [23].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, к числу факторов, затруднявших распространение российской власти на пространство Кавказа, наряду с сопротивлением местного населения, непривычным климатом, сложным рельефом местности, растянутостью коммуникаций, с уверенностью можно отнести эпидемические заболевания. Распространению эпидемий способствовали отсутствие источников чистой воды, жаркий (а в отдельных местностях жаркий и влажный) климат, несоблюдение требований санитарии и гигиены в частях и подразделениях российских войск на Кавка-

зе, употребление в пищу сырых овощей, фруктов и воды из непроверенных источников и одновременно недостаточное и лишенное витаминов питание, несоблюдение карантинных требований местным населением, нехватка квалифицированного медицинского персонала. Лишь по мере освоения Россией Кавказского региона, создания медицинской инфраструктуры, строительства лечебных учреждений, подготовки квалифицированных кадров, изучения Кавказа военными врачами и разработки ими противоэпидемических рекомендаций, выполнения этих требований как военнослужащими, так и гражданским населением ситуацию в сфере противодействия эпидемическим заболеваниям удалось изменить в лучшую сторону.

Библиография / References:

1. Адаменко А.М., Кошелев В.П. Вклад военного врача Романа Сергеевича Четыркина в становление и развитие медицины в России // Вопросы питания. – 2014. – Том 83. – № 1. – С. 80–85.
2. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Том III. – Тифлис: Типография Главного управления наместника Кавказского, 1869. – 767 с.
3. Баррет Т.М. Линии неопределённости: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. – Самара, 2000. – С. 156–184.
4. Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести / Ф.З. Канунова – составление, статья, комментарии. – СПб.: Наука, 1995. – 1256 с.
5. Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. В 2-х ч. Ч. 1. – СПб., 1858. – 488 с.
6. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Север-

ном Кавказе (XIX в. – 1940 г.). – Армавир, 2006. – 278 с.

7. Васильев К.Г., Сегал А.Е. История эпидемий в России. Материалы и очерки / Под ред. проф. А.И. Метелкина. – М.: Государственное издательство медицинской литературы, 1960. – 347 с.

8. Голицын Н.Б. Жизнеописание генерала от кавалерии Эммануэля. – М.: Рекламно-издательский центр «Собрание», 2004. – 486 с.

9. Грибоедов А.С. Путевые записки: сочинения / подгот. текста, предисл. и коммент. В. Орлова. – М.; Л.: Гослитиздат, 1959. – С. 417–425.

10. Грижебовский Г.М. Холера на Кавказе (теоретические и прикладные вопросы эпидемиологии). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук по специальности 14.00.30 – Эпидемиология. – Ставрополь, 1997. – 70 с.

11. Ермолов А.П. Записки А.П. Ермолова. 1798–1826 гг. – М., 1991. – 463 с.

12. Ермолов А.П. Записки Алексея Петровича Ермолова во время управления Грузией // Интернет-проект «1812». [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Ermolov/part5.html> (дата обращения: 21.11.2022).

13. Жук А.П. Развитие общественно-медицинской мысли в России в 60–70 гг. XIX в. – М., 1963. – 382 с.

14. К. Обзору событий на Кавказе в 1846 г. // Кавказский сборник. – Т. XVII. – Тифлис, 1896. – С. 175–255.

15. Котенев Е.С., Дубянский В.М., Волынкина А.С., Зайцев А.А., Куличенко А.Н., Кравцова С.Л. История эпидемий чумы на Северном Кавказе и современный эпидемический потенциал природных очагов чумы // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2016. – Т. 11, № 4. – С. 612–616.

16. Лисицына Г. Воспоминания генерал-майора Августа-Вильгельма фон Мерклина о Даргинской экспедиции 1845 г. // Гордин Я. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX в. – СПб., 2000. – С. 360–374.

17. Пикулин Л. Краткое руководство к лечению болезней в пользу новопрактикующих врачей в армии, почерпнутое из сочинений Г. Геккера и Пинеля. – М.: Типография Августа Семена, 1820. – 311 с.

18. Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846 гг. – Тифлис, 1900. – 494 с.

19. Соколов М.Г. Роман Сергеевич Четыркин // Медицинский вестник. – 1865. – С. 380–410.

20. Топоров Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающихся лихорадок. – СПб.: Типография Якова Третья, 1864. – 416 с.

21. Фавр В.В. Опыт изучения малярии в России в санитарном отношении. – Харьков, 1903. – 368 с.

22. Филипсон Г.И. Воспоминания. 1837–1847 гг. // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. / сост. и подгот. Я. Гордин; авт. коммент. и указ. Б. Миловидов. – СПб., 2000. – С. 76–197.

23. Чаруковский А.А. Военно-походная медицина. В 5 частях. Ч. 1. – СПб.: Типография И. Воробьева, 1836. – 316 с.

24. Четыркин Р.С. Опыт военно-медицинской полиции, или Правила к сохранению здоровья русских солдат в сухопутной службе. – СПб., 1834. – 269 с.

25. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны. Исторический очерк Кавказско-горской войны в Закубанском крае и Черноморском побережье. – Тифлис, 1914. – 120 с.

1. Adamenko A. M., Koshelev V. P. Vklad voennogo vracha Romana Sergeevicha Chetyrki-na v stanovlenie i razvitie meditsiny v Rossii [Contribution of military doctor Roman Sergeevich Chetyrkin to the formation and development of medicine in Russia] // Voprosy pitaniia. 2014. Tom 83, № 1. – Pp. 80-85. (In Russ.).
2. Akty, sobrannye Kavkazskoi arheo-graficheskoi komissiei [Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission]. Tom III. Tiflis: Tip. Glavnogo Upravleniia Namestnika Kavkazskogo, 1869. 767 p. (In Russ.).
3. Barret T. M. Linii neopredelennosti: severo-kavkazskii «frontir» Rossii [Lines of Uncertainty: Russia's North Caucasian «Frontier»] // Amerikanskaia rusistika: vekhi istoriografii poslednikh let. Imperatorskii period. Samara, 2000. – Pp. 156–184. (In Russ.).
4. Bestuzhev-Marlinskii A. A. Kavkazskie povesti [Caucasian Stories] /F. Z. Kanunova – sostavlenie, stat'ia, kommentarii. SPb.: Nauka, 1995. 1256 p. (In Russ.).
5. Varadinov N. Istoriia Ministerstva vnutren-nikh del [History of the Ministry of Internal Affairs]. V 2-kh ch. Ch. 1. SPb.: 1858. 488 p. (In Russ.).
6. Vasilenko V. G. Istoriia zdravookhraneniia i meditsinskogo obrazovaniia na Donu i Severnom Kavkaze (XIX v. – 1940 g.) [History of healthcare and medical education in the Don and the North Caucasus]. Armavir: 2006. 278 p. (In Russ.).
7. Vasil'ev K. G., Segal A. E. Istoriia epidemii v Rossii. Materialy i ocherki [The history of epi-demics in Russia. Materials and essays]. / Pod red. prof. A. I. Metelkina. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo meditsinskoi literatury, 1960. 347 p. (In Russ.).
8. Golitsyn N. B. Zhizneopisanie generala ot kavalerii Emmanuela [Biography of the General from the cavalry Emmanuel]. M.: Reklamno-izdatel'skii tsentr «Sobranie», 2004. 486 p. (In Russ.).
9. Griboedov A. S. Putevye zapiski [Travel notes] // Griboedov A. S. Sochineniia / Podgot. teksta, predisl. i komment. V. Orlova. M.; L.: Goslitizdat, 1959. – Pp. 417–425. (In Russ.).
10. Grizhebovskii G. M. Kholera na Kavkaze (teoreticheskie i prikladnye voprosy epidemiologii) [Cholera in the Caucasus (theoretical and applied issues of epidemiology)]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni doktora meditsinskikh nauk po spetsial'nosti 14.00.30 – Epidemiologiya. Stavropol': 1997. – 70 p. (In Russ.).
11. Ermolov A. P. Zapiski A. P. Ermolova [Notes by A. P. Ermolov]. 1798–1826 gg. M.: 1991. – 463 p. (In Russ.).
12. Ermolov A. P. Zapiski Alekseia Petrovicha Ermolova vo vremia upravleniia Gruziei [Notes of Alexey Petrovich Ermolov during the administration of Georgia] // Internet-proekt «1812». URL: <http://www.museum.ru/museum/1812/Library/Ermolov/part5.html> (In Russ.).
13. Zhuk A. P. Razvitie obshchestvenno-meditsinskoi mysli v Rossii v 60–70 gg. XIX v. [The development of social and medical thought in Russia in the 60-70 years of the XIX century.]. M.: 1963. 382 p. (In Russ.).
14. K. Obzor sobytii na Kavkaze v 1846 g. [Review of events in the Caucasus in 1846] // Kavkazskii sbornik. T. XVII. Tiflis, 1896. Pp. 175–255. (In Russ.).
15. Kotenev E. S., Dubianskii V. M., Volynki-na A. S., Zaitsev A. A., Kulichenko A. N., Kravtsova S. L. Istoriia epidemii chumy na Severnom Kavkaze i sovremennyi epidemicheskii potentsial prirodnkh ochagov chumy [The history of plague epidemics in the North Caucasus and the current epidemic potential of natural plague foci] // Meditsinskii vestnik Severnogo Kavkaza. 2016. T. 11. № 4. Pp. 612-616. (In Russ.).
16. Lisitsyna G. Vospominaniia general-

maiora Avgusta-Vil'gel'ma fon Merklina o Darginskoi ekspeditsii 1845 g. [Memoirs of Major General August-Wilhelm von Merklin about the Dargin expedition of 1845] // Gordin Ia. Kavkaz: zemlia i krov'. Rossiia v Kavkazskoi voine XIX v. SPb.: 2000. – Pp. 360–374. (In Russ.).

17. Pikulin L. Kratkoe rukovodstvo k lecheniiu boleznei v pol'zu novo-praktikuiushchikh vrachei v armii, pocherpnutoe iz sochinenii G. Gekkera i Pinelia [A brief guide to the treatment of diseases in favor of new practitioners in the army, drawn from the writings of G. Hecker and Pinel]. M.: Tipografiia Avgusta Semena, 1820. 311 p. (In Russ.).

18. Rakovich D. V. Tenginskii polk na Kavkaze [Tengin Regiment in the Caucasus]. 1819–1846 gg. Tiflis, 1900. 494 p. (In Russ.).

19. Sokolov M. G. Roman Sergeevich Chetyrkin [Roman Sergeevich Chetyrkin] // Meditsinskii vestnik. 1865. Pp. 380–410. (In Russ.).

20. Toporov N. I. Opyt meditsinskoi geografii Kavkaza otnositel'no peremezhaiushchikhsia likhoradok [The experience of the medical geography of the Caucasus regarding intermittent fevers]. SPb., Tip. Iakova Treia, 1864. 416 p. (In Russ.).

21. Favr V. V. Opyt izucheniiia maliarii v Rossii v sanitarnom otnoshenii [The experience of studying malaria in Russia in sanitary terms]. Khar'kov: 1903. 368 p. (In Russ.).

22. Filipson G. I. Vospominaniia. 1837–1847 [Memories] // Osada Kavkaza. Vospominaniia uchastnikov Kavkazskoi voiny XIX v. / sost. i podgot. Ia. Gordin; avt. komment. i ukaz. B. Milovidov. SPb.: 2000. Pp. 76–197. (In Russ.).

23. Charukovskii A. A. Voenno-pokhodnaia meditsina [Military field medicine]. V 5 chastiakh. Ch. 1. SPb.: Tipografiia I. Vorob'eva, 1836. 316 p. (In Russ.).

24. Chetyrkin R. S. Opyt voenno-meditsinskoi politsii, ili pravila k sokhraneniuiu zdorov'ia russkikh soldat v sukhoputnoi sluzhbe [The experience of the military medical police, or the rules for preserving the health of Russian soldiers in the land service]. SPb.: 1834. 269 p. (In Russ.).

25. Esadze S. Pokorenie Zapadnogo Kavkaza i okonchanie Kavkazskoi voiny. Istorieskii ocherk Kavkazsko-gorskoi voiny v Zakubanskom krae i Chernomorskom poberezh'e [The conquest of the Western Caucasus and the end of the Caucasian War. Historical sketch of the Caucasian-Mountain War in the Trans-Kuban region and the Black Sea coast]. Tiflis, 1914. 120 p. (In Russ.).